

P-175375

МОЙ СЫН

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1912

Редактор *М. Гильгулин*

Подписано в печать 21/VII 1942 г. Объем 1 печ. л.
Уч.-пед. 1 л. 36000 зн. в 1 печ. л. Тираж 100 000 экз. Л 77419.
Заказ № 524. Цена 15 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

МАТЬ ГЕРОЯ

Надежда Самуиловна Чекалина—мать юного героя Александра Чекалина—прошла от седых стен Тулы вместе с бойцами и командирами нашей части славный путь. Разделяя с ними все тяготы походной жизни, она длинные зимние ночи просиживала над постелью раненых; забывая о сне и пище, перевязывала раненых, ухаживала за ними, кормила и поила их, укрывала от холода.

В короткие часы, свободные от работы, она выходила на улицу и в строгом молчании подолгу глядела в ту сторону, где лежало ее родное село, где партизанили ее муж и ее любимый сын Саша.

Товарищи по службе догадывались—не спокойно на сердце у Надежды Самуиловны, и каждый, как мог, старался рассеять ее тяжелые думы.

...В грозные дни, когда враг занял Череповецкий район, гестаповцы рыскали по деревням, искали коммунистов, комсомольцев, депутатов Совета. Из родных мест надо было уходить.

Павел Чекалин—отец Саши—с партизанским отрядом отправился в лес. Собрался партизанить и старший сын Чекалиных—Александр.

Когда в походный мешок были уложены белье и хлеб, Надежда Самуиловна обняла сына и в молчаливом прощании прижала его к груди. Без слез она поцеловала его и сказала последнее напутственное слово:

— Хорошенько воюй, сынок. Жизнь свою береги, но и врагу пощады не давай. Ты самый младший в отряде, слушайся старших, учись у них бить фашистов...

Долго еще жила в родных местах Надежда Самуиловна. Скрываясь от преследования, она переходила из деревни в деревню, жадно ловила весточки о смелых налетах партизанского отряда, в рядах которого сражался ее сын.

Товарищ Чекалина—испытанный и закаленный член

ВКП(б). Поэтому гитлеровские агенты особенно ревностно разыскивали ее. Однажды Надежду Самуиловну схватили и привели в штаб. С большим трудом ей удалось освободиться из фашистского плена, уйти от смерти.

Она пробралась через вражеские заслоны и пришла в Тулу. Ей предложили отправиться в тыл, отдохнуть, набраться сил. Чекалина поотрез отказалась. Она пришла в санитарный батальон и попросила принять ее добровольцем-санитаркой, чтобы вместе с Красной Армией, рука об руку с мужем и сыном бить врага, громить и уничтожать фашистского зверя. Она радовалась и благодарила, когда просьба ее была удовлетворена.

В долгие зимние вечера мать думала о Саше. Однажды, когда в палату принесли раненого, еще совсем молодого бойца, она под села к его кровати и, разговорившись, рассказала ему, что у нее тоже есть сын, с такими же ясными глазами и такой же смелой душой.

Многое вспомнила мать в этот вечер: как Саша учился, о чем мечтал, какие радости он испытал за свою короткую жизнь. Казалось, она читала золотую книгу о самом счастливом и благородном юноше-бойце.

И вот пришла весть о героической смерти сына... Мать плотно сжала губы, смахнула набежавшую слезу и, не проронив ни слова, ушла в палату. Только тонкие морщины глубже легли на лбу.

В тот же день она прочла и Указ о присвоении посмертно Александру Чекалину звания Героя Советского Союза.

Вечером Надежда Самуиловна написала письмо Иосифу Виссарионовичу Сталину.

«Велико мое материнское горе,—писала она.— Не выплакать его, не забыть. Но в дни скорби меня утешают светлые мысли, что сын мой беззаветно служил родине. Народ и большевистская партия обессмертили его имя... Я клянусь Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, что все свои силы я отдам на борьбу с ненавистными гитлеровцами и до конца своей жизни буду мстить кровавым бандитам. Я обещаю Вам, товарищ Сталин, моего второго сына Витю воспитать таким же пламенным патриотом, бесстрашным и волевым, каким был Саша».

Обещание, данное товарищу Сталину, мать неуклонно выполняет. Четырнадцатилетний Витя вместе с матерью ухаживает за ранеными, помогает врачам и сестрам,

выполняет их поручения. Он уже научился владеть стрелковым оружием и на последних стрельбах метко поразил пулями центр мишени.

Чекалины жестоко мстят врагу за смерть Саши. Бандитов бьют отец и мать, бьют четыре брата Павла Чекалина.

Честь и слава советской матери Надежде Самуиловне Чекалиной, воспитавшей сына-богатыря!

Честь и слава бойцу Чекалиной, самоотверженно несущей вахту на боевом посту!

Мы горды ее мужеством, мы сильны ее непреклонным духом, мы смело идем в бой, благословленные ее рукой.

Политрук *В. Слащев*

МОЙ СЫН

Родился мой Шура 17 марта 1925 года в селе Песковатском Череповецкого района. Теперь ему исполнилось бы семнадцать лет.

Ничего, кроме радости, я от него не видела. Был он спокойный, здоровенький ребенок, я не замечала, как он вырастал.

Муж очень любил охоту. Охота в наших лесах замечательная. И Шура, чуть подрос, стал с отцом в лес ходить. Сначала смотрел только, а там, гляжу, и птицу приносить стал и зайцев. Стрелять он научился в малых лет—сначала баловался с самострелом, потом к отцовскому дробовику привык. Мы ему не мешали в этом.

Шура был бедовый, горячий, а дурного слова никому не скажет. Всем помогал, и всякое дело у него спорилось. Прямо даже удивительно. Примус ли испортится, кастрюля прохудится,—Шура все сейчас же починит. Соседи и товарищи к нему за помощью обращались. Но это ему не очень нравилось. Он точно стыдился немного этих своих хозяйственных занятий.

Все делал сам. Уедешь на несколько дней в командировку, отец тоже куда-нибудь выедет,—Шура дома один, обед себе состряпает, корову подоит. Не любил других ни о чем просить. «Сам,—говорит,—сумею».

К технике у него было большое тяготение, все придумывал, строил. Когда купила ему фотоаппарат, сам сделал увеличитель. Кинопередвижку собрал, очень долго над ней сидел. Я ему из Москвы даже отдельные части привозила. Если электричество погаснет, у нас в доме все равно светло: Шура динамки сам делал.

И когда займется работой, весь в нее уйдет, серьезный, насупленный—ни о чем другом не может думать. Всякое дело доводил до конца. Твердый был. Мы уже знали:

Шура сказал,—значит, так и будет, он от своего слова не отступится.

Мы его в семье героем звали,—шутя, конечно. Уж очень быстро он вверх тянулся, высокий, стройный, широкоплечий. Скажут, бывало: «Какой у тебя, Чекалина, сын растет». Улыбнешься: «Ну, что там...» А про себя подумаешь: «И верно». Гордилась я сыном.

Учился он отлично, все налету хватал—такая у него была память. Точно отпечатывался у него в мозгу урок.

Вот сейчас подошли весенние дни, и у меня сердце сжимается, все вспоминаю. В это время у нас в доме всегда гомон стоял. Набьются к Шуру в комнату ребята, вместе учатся. Шура все покажет, все растолкует, как взрослый.

У нас всегда целый отряд собирался—сначала малышей, потом подростков. Соседи смеялись: «У тебя, Чекалина, детплощадка. И не надоеет тебе? Ведь шум от них, сор». Ну, и что ж, сор? Сор убрать можно. У меня, глядя на них, душа радовалась.

А Шура среди них вожак. Случалось и мне они помогали. Вернешься иной раз под вечер с работы—ничего в доме не сделано, воды нет, печка не топлена... Шура взглянет на меня, скажет: «Ты, мама, не беспокойся. Сейчас все будет готово». И начнет командовать: одного по воду пошлет, других—дрова пилить, сам за работу возьмется. Не успеешь оглянуться—все дела сделаны, все в порядке.

Шура очень любил младших ребят, витькиных сверстников. Подшучивает над ними, поддразнивает, а сам во всем помогает. С Витей, младшим братом, они душа в душу жили. Комната у них, у двоих, была отдельная. Постельки их там стояли, шурины инструменты, книжная полка.

Очень он много читал технических книг—по радио, по механике, выписывал журналы.

Увлекался Толстым, Горьким.

Крепко запомнились Шуру кинокартины «Чапаев», «Александр Невский», «Суворов». Виктора дразнит: «Что у тебя за имя такое—«Витька», «Витюшка». Бог Александр—другое дело. Александр Невский, Александр Суворов. Это имя!» Шутя, конечно, говорил. Но, думается, он и в самом деле немного гордился, что и его зовут Александр.

Из своих ровесников дружил он с Андреем Изотовым.

Жил Андрияша в деревне Зеленый Лужок, но часто гостил у нас в Песковатском, а позже в Лихвине—мы туда переехали. Летом они с Шурой часто далеко уходили гулять, по ягоды, к отцу на пасеку, на рыбалку. Рыбалку Шура любил не меньше охоты. Рыбачили удочками, сетью, а весной Шура щук из ружья бил. Меткий был стрелок.

В жаркое время ребята спали на чердаке, в сарае. Заберутся туда и все о чем-то спорят, смеются, песни поют: Шура—тот больше слушал, а Витька у нас—музыкант, он и на гармонии и на балалайке.

Шура с Андреем там, на чердаке, обо всем толковали, книги читали вместе.

Началась война. Не было у Шуры другой мысли, как пойти немцев бить. Говорит мне: «Война, мама, тяжелая будет. Ничего, пойдем с папкой воевать».

С малых лет он играл в войну. Дом наш стоял на горочке, на отлете. Ребята под горой вырыли землянку, забивались туда на целый день, это у них называлось «сидеть в засаде». Играли в красных и белых—Шура всегда был красным. Ружья он из дерева понарезал, раскрасил, пистолеты—на вид самые настоящие. Потом пулемет-трещотку сделал.

Этакий стрелок, охотник, смельчак, комсомолец, мог разве он теперь, когда началась война, утерпеть и оставаться в стороне?

Знала я: все равно пойдет воевать мой Шура, и не мне ему в этом препятствовать. Я сама не трусила и детей тому не учила. Шесть лет работала председателем сельсовета. На пользу всего села пришлось бороться с кулачем да подкулачниками. Иные из них меня крепко ненавидели, грозились отомстить. Но я от правды не отступала. Так мне ли Шуру от опасности отговаривать? А все же ноет материнское сердце, болит за любимого сына.

Как только стали записываться у нас в истребительный отряд, и Шура побежал туда. Отказали ему: молод.

Стали люди в ополчение собираться. Гляжу—марширует мой Шура рядом с бородачами, учится вместе с ними военному делу. Присмотрелись к нему командиры—даром что шестнадцать лет, выйдет из парня толк. «Ладно,—говорят,—ступай в истребительный, примем».

Сделался мой Шура истребителем. Отправятся они,

бывало, в леса вылавливать диверсантов. Ждешь их дня три, четыре, а то и пять. Чего только не передумаешь за это время!.. Но вот слышится издали песня: «Три танкиста, три веселых друга...» Скачут домой наши. Веселые, все—молодежь. Недавно слушала я красноармейский ансамбль, все плакала: эти песни Шура со своими товарищами пел.

Он мне никогда ничего про свою работу не рассказывал—умел хранить тайну. И когда в лес собирается, тоже ничего не объясняет. Скажет спокойно: «Мама, приготовь харчишек, надо ехать». И я не расспрашивала его ни о чем, а другим, коли пристанут, он отвечал: «Едем на маневры».

Помню, как в эту пору он для какого-то документа сфотографировался. Единственная эта карточка у меня и осталась. Смуглый был парень, черноглазый, черноволосый.

Немцы все ближе подступали к нашему Лихвину. Как-то приходит Шура домой молчаливый. Вижу—на душе у него тревожно.

— Ну,—говорит,—собери меня как следует. Я, наверное, уйду на всю зиму.

Упало у меня сердце. Собрала я ему белье, теплые вещи, валенки. Три буханки хлеба дала. Хотела мяса положить, он говорит: «Не надо. Нам папка уже все достал: свинью достал целую, два пуда меда».

Ушли они вместе с отцом.

Остались мы вдвоем с Витей. У того, конечно, тоже глаза горят за старшими увязаться, да кто тринадцатилетнего возьмет?

Живем с ним, скучаем. А дней через пять началась эвакуация.

Побежала я в райком.

— Как хотите,—говорю,—вызывайте сына. Я знаю, он в партизанском отряде. Вызовите хоть на час. Проститься хочу.

Такое у меня было решение: если не увижу его—не уеду. В этого сына я все вложила, всю надежду мою, всю радость. Гордостью моей был Шура. И осталось мне одно счастье—хоть раз еще на него посмотреть.

Приехал. Вошел хмурый.

— Зачем ты меня вызвала, мать? Ведь ты от дела меня оторвала.

— Шурочка,—говорю,—неужели ты проститься со мной не хочешь?

Посмотрел на меня:

— Очень хочу, мама. Только я не хочу, чтобы ты плакала. Ты у меня умная, смелая. Проводи меня весело.

Я, конечно, заплакала. Дала ему еще продуктов. Убеждаю: «Возьми новый костюм. Что ж он пропадет». Я ему незадолго перед тем справила хороший костюм. Он одевался всегда чистенько, только галстуков не любил. Смеется: «На что мне галстук? Я ж еще школьник».

Не взял он костюма. «Не к чему, мама. Вернемся—достанем себе все. А в лесу что мне с костюмом делать?»

Простились мы.

— Ну,—говорю,—сын, иди, защищай нашу родину, крепко защищай. Только смотри—ты ведь не учен военному делу, будь аккуратней.

— Что ты, мама? Я лучше старших стреляю.

Прижала я его к себе, расцеловала.

Больше я не видела своего Шуру.

* * *

Далеко я решила не уезжать. Поселилась с Витей в Токареве, в сорока пяти километрах от Лихвина. Я там всем говорила, что работаю на шахте, а сама держала связь с партизанским отрядом. Помогала им, чем могла, доставала белье, пищу, передавала сведения.

Навестил меня муж, рассказал про Шуру. Наш сын партизанит хорошо, ходит в разведку. Недаром он в лесах наших охотился, ему всякая тропа известна.

В отряде он единственный радиотехник, установил аппаратуру. Начальник им не нахвалится.

И позднее доходили слухи о Шуре—самый молодой он был партизан в отряде. Рассказывали, как напали на него десять немцев, шестерых он взорвал гранатой, троих застрелил из винтовки, десятый убежал. Передавали еще, что Шура с товарищами, переодевшись немцами, ходили в разведку. Пришли они в избу, где жили наши родные, легли спать. Ночью в тот же дом нагрянули настоящие немцы. Спрашивают: «Кто у вас?»—«Ваши»,—отвечают хозяева. Легли немцы спать. Шура с товарищами хотели их прикончить, да пожалели стариков-хозяев. Хозяевам фашисты непременно отомстили бы. Утром наши вернулись в отряд, узнав все, что нужно.

Надежда Самуиловна Черкалиця со своим сыном Витей

Много еще рассказов ходило про моего Шуру.

Прошла неделя, две, три—пет вестей ни от мужа, ни от сына. Места я себе не нахожу. В голову лезут черные мысли. Не стерпела, решила пойти сама разузнать, что с отрядом. И Витя, понятно, со мной: не одному же ему оставаться.

Мы обогнули Лихвин, зашли в деревню, где жила свекровь.

Недаром меня грызла тоска. Свекровь рассказала: взяли моего мужа, взяли сына.

— Шура,—говорит свекровь,—зашел в Песковатское, в наш старый дом, лег там на печку. Ночью пришли немцы, двенадцать солдат. Он бросил в них гранату—граната не разорвалась. Его схватили, повели. На улице старуха спрашивает: «Как же ты попался?» А он ей: «Я с предателями песковатскими разговаривать не хочу!»

Выдали его, проклятые! Верно, те самые гады, что и против меня камень за пазухой держали. Темным-темно стало у меня на душе. Чувствую, не видеть мне больше радостного моего сына. Свекровь говорит: «Уходи отсюда. О Шуре все знают. Заберут они тебя». Но я устала, и тяжело мне было очень. Осталась ночевать.

А утром пришел в избу староста и говорит с ухмылкой: «Пойдем, Чекалина, сына выручать». Я разом поняла, какая это выручка, да ничего не поделаешь, пришлось послушаться. Повел он меня в штаб, и Витя за нами следом побежал.

Вошла я в штаб. Сидит там Шутенков из Лихвина, предатель.

— Хоть одна коммунистка лихвинская попалась. А то все скрылись.

Я ему отвечаю:

— Нет, мы, коммунистки, не скрываемся, мы дело делаем.

Он нахмурился:

— Ишь ты какая. Тебе, верно, неизвестен наш закон—всех коммунистов истреблять?

— Давно ли, говорю, фашистский закон твоим законом стал?

Тут вмешался староста.

— Дело, говорит, ясное. Сын у нее партизан. Муж—партизан. И сама, раз не ушла никуда, значит, тоже где-нибудь партизанит. Чего с ней канителишься?

Тут заговорили они между собой о расстрелянных партизанах. Шутенков советует старосте:

— Коли не брезгаете, снимите с них валенки, разденьте и заройте их в землю, как собак.

У меня от злости дух захватило. Вижу, стоит на столе тяжеленная чернильница. «Схватчу,—думаю,—да ахну этого подлеца, чтобы сдох, проклятый пес, тут же на месте!» И нет у меня никакого страха—легкость такая. Тут вспомнила я про Витьку.

— Ладно, кричу, убивайте меня! Истребляйте все до корня. Мужа моего вы убили, любимого сына убили, убивайте уж и младшего сына, казните меня вместе с ним. Я сама вам его приведу!

Должно быть, отчаянно я говорила. Поверили. Староста кивнул головой:

— Ладно, веди сына.

А сам поглядывает за мной. Вышла из штаба. Улучила минуту и говорю Вите:

— Тикаем, сын.

И мы с ним за машины, за дома, да все дальше... Смешались с людьми—тут как раз немецкая пехота проходила,—выбрались кое-как из деревни. Увела я от лютой смерти моего младшего сына.

А о старшем, о Шуру моем, рассказали мне в соседнем селе. Люди друг другу шопотом говорили и удивлялись, что такая великая сила была в шестнадцатилетнем мальчишке.

Привели Шуру на допрос. Стал выспрашивать его немецкий комендант, начал грубо ругать большевиков и партизан. Не стерпел Шура. Схватил он чернильницу со стола и двинул промеж глаз коменданту. И приговорили моего сына к страшной казни.

Как сказали мне об этом, сжалось у меня сердце. «Так, думаю, Шурочка. Сделал ты то, что мамка твоя собиралась сделать. Как сговорились мы с тобой. Кровь-то одна у нас с тобой в сердце».

И хоть не была я с ним в последние минутки, но я их вместе с ним сотни раз пережила, потому что он сын мне и потому что я сама сквозь все это прошла—сквозь эту злобу к негодьям, и гордость, и отчаянное бесстрашие.

Знаю, как брел он, раненый, в родное село Песковатское, как лежал там ночью один в доме, на печке, где

отец с матерью ему сказки рассказывали. Помнится, любил он слушать про путешественников, которые открывали новые страны, про победителей, про людей, которые не умеют сдаваться. И он не сдался.

Когда он шел на казнь, фашистские сволочи штыками кололи ему ноги—полные валенки крови были у моего Шуры. Но он шел твердо, он решил умереть хорошо.

Люди видели, как он глядел в лицо своим палачам. Они велели ему написать на фанерной дощечке: «Такой конец ждет всех партизан». А он взял карандаш и написал крупными буквами во всю фанеру: «Сотрем с лица земли фашистскую гадину!»—и бросил дощечку в народ.

А когда его подвели к виселице, он выкрикнул: «Эх, гады! Всех нас не перевешаете! Нас много!» Тут они накинули ему на шею петлю.

Тогда Шура запел «Интернационал». Петля была у него на шее, а он пел. Пел про последний решительный смертный бой.

Я брела с Витей из деревни в деревню, точно меня оглушили. Ничего я не слышала, кроме боли. Такая тьма была вокруг, столько ужасов встречалось нам на пути, столько расстрелянных, сожженных, повешенных немцами людей.

Шурина мұка смотрела на меня отовсюду. Я плала, перевязывала раненых и все отдавала им: шурину рубашку—для него приготовила,—кружку свою, все вещи.

Раненый лейтенант указал нам, как перейти линию фронта.

Увидела наших—согрелось сердце. В первый раз за все время мне стало легче. Мы остались в части, я просила, чтобы взяли меня на службу в армию хотя бы санитаркой. Рассказала комиссару о сыне и муже, он согласился. И начала работать.

Когда освободили наш район, пришло мне письмо. Муж писал, что ему удалось убежать от немцев.

Шурино тело нашли возле виселицы, в снегу. Обмыли его, одели и похоронили на площади.

Эта площадь теперь называется площадью имени Александра Чекалина. И Песковатское теперь—село имени Шуры Чекалина, моего сына.

УНИЧОЖАЙТЕ ЗАХВАТЧИКОВ

Речь медсестры Надежды Чекалиной на митинге в защиту детей от фашистского варварства 19 апреля 1942 г.

Дорогие товарищи, родные мои!

Немцы убили моего шестнадцатилетнего сына. И не просто убили. Они сперва истерзали, измучили его лютыми пытками, а потом повесили. 12 солдат вели моего Шуру в немецкий штаб. Целая свора допрашивала и пытала его. А он был перед ними один. Они его так стерегли, так зверствовали над ним, что можно подумать, будто они его боялись. Да, так оно и было!

Нет, не победить, не запугать фашистам нашу молодежь, как они не запугали Шуру моего дорогого. «Всех нас не перевешаете!»—крикнул в лицо палачам мой сын. И в предсмертную минуту зашел «Интернационал». Вот какая была сила в сыне моем!

Вы понимаете—большое у меня горе, но и гордость большая за сына, за родину, которая его воспитала.

Товарищи! Война поломала жизнь многих наших детей. Проклятые изверги убивают, калечат, истязают их, делают сиротами. Они хотят отнять у них детство, хотят сделать их своими рабами. Но не будет этого!..

Дорогие братья! Наши отважные бойцы! Славные защитники родной советской земли! Я, мать героя, отдавшего за родину свою молодую жизнь, призываю вас—беспощадно громите подлого врага, очищайте от него нашу землю!

Я обращаюсь к вам, женщинам родины моей, дорогие мои сестры! Забудем, что такое усталость и страх. Пусть каждая из нас, где бы она ни была—в колхозе, на заводе, в госпитале, в партизанском отряде,—сделает все, чтобы освободить нашу землю от фашистского зверья и вернуть детям утерянную радость.

Вся моя семья сражается за родину. Мой муж Павел Чекалин и четыре его брата бьют фашистов. Я тоже на фронте—в санитарном батальоне. Вместе со мной ухаживает за ранеными мой младший сын Витя.

Клянусь вам, товарищи, своим материнским сердцем, клянусь нашему народу и родному товарищу Сталину—все силы отдам я на борьбу с проклятыми захватчиками.

Цена 15 коп.